

Sevastjanov A. V. Materials on stories of the Crimean architecture in the scientific heritage of the Russian society on studying of Crimea (1922-1932)

On the basis of the analysis of publications of members of the Russian society on studying of Crimea B. N. Zasyplin and S. D. Shiryayev author's concepts of 20th XX the century devoted stories of development of the Crimean architecture during the medieval and imperial periods are represented. Laws of coexistence of architectural styles and loans, dependence of development of architecture on specificity of economic potential and a level of development of various forms of managing are shown.

Д.А. Ломакин

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИССЛЕДОВАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ XIII-XV ВЕКОВ В СТАРОМ КРЫМУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Статья посвящена анализу роли Бахчисарайского дворца-музея тюрко-татарской культуры в изучении комплекса памятников истории и архитектуры XIII – XV веков в Старом Крыму. Рассмотрена организация экспедиции 1928 года под руководством У.А. Боданинского, детально описан ход археологических работ на территории древнего Солхата и, частично, за его пределами. Также в статье подведены итоги экспедиционных работ, предпринята попытка анализа значения этих работ для воссоздания истории Крымского улуса Золотой Орды.

В связи с развернувшейся в Крымской АССР в 20-е годы XX века политики татаризации, значительные средства и внимание научных сил привлекалось к исследованию древней столицы Крымского улуса Золотой Орды города Солхата (современное название – Старый Крым). В 1925 и 1926 годах были проведены экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством профессора И.Н. Бороздина [5; 6; 7; 8; 9]. Продолжили исследование древнего города сотрудники Центральных государственных реставрационных мастерских Б.Н. Засыпкин [11; 12; 13] и И.Э. Грабарь [10]. Ученым удалось собрать интереснейший материал, но он не позволял в полной мере ответить на существовавшие к тому времени

вопросы раннесредневековой истории Старого Крыма. Требовалось логическое завершение ранее проделанных экспедиционных работ, что и было предпринято силами местных краеведов.

В августе 1928 года У.А. Боданинский совместно с О.Н.-А. Акчокраклы и Н.Л. Эрнстом предложил работу по фиксации, изучению и реставрации памятников крымскотатарской старины. Об этом свидетельствуют сохранившиеся акты «Об осмотре исторических памятников города Карасу-Базара» от 8 августа и Старого Крыма от 10 августа 1928 года [15, 157].

Члены экспедиции, к которым в Старом Крыму присоединился архитектор П.И. Голландский (ему было поручено проведение ремонтно-реставрационных работ [2]), при осмотре территории раскопок руин древнего медресе рядом с мечетью Узбека с целью фиксации состояния памятника перед продолжением работ по его расчистке отметили следующее.

1. Раскопаны до фундамента вдоль восточной стены здания следующие участки-квадраты (по разбивке генерального плана): 7 N, 8 N, 9 N, 10 N, 11 N, 12 N, комната на участке 7.0 и смежных, участках 8.0, 9.0, 10.0, 11.0, 12.0, 8 P, 10 P, 11 P, 12 P, 8 Q, 9 Q, 10 Q, 11 Q, 12 Q, а также узкая траншея вдоль всей восточной внешней стены здания.

2. Вдоль западной стены здания к моменту осмотра были раскопаны следующие участки: комната на участке 6 С и смежных раскопана ниже уровня пола до разных глубин в разных местах, большая комнатаниша западной стены на участке 9 С, 9 Д и 9 Е и смежных раскопана до пола, комната на участке 12 С и смежных раскопана до перекрытия sklepa, а также раскопан самый skleп, раскопаны узкие траншеи вдоль внутренних стен западного комплекса здания на участке 11 Е, 5 Е, 6 Е, 7 Е, а также узкая траншея вдоль всей западной наружной стены здания.

3. В северо-западном углу здания узкими траншеями нащупаны стены коридора и двух комнат.

4. Раскопана траншея по участкам 12 Е, 12 F, 12 G, 12 H, 12 J 12 K, 12 L, 12 M и траншея по участкам 13 L, 14 L, 15 L в северной нише двора, обе до каменной вымостки двора и ниши.

Откопанные массивы здания с архитектурными профилями в верхней части по швам были промазаны жирной глиной с примесью резаной соломы, что предохраняло их от разрушения. «Дурбе-мавзолей в северо-западном углу территории перекрыт деревянным сооружением с двухскатной крышей для предохранения этой части здания от вод. Края всех траншей сильно осыпались, так что верхние обрезы отступили от нижних на 0,51-1,00 м. Расчищенные части, как, например, плиточный пол, покрыты землей, мусором, сорной травой и бурьяном, также как и поверхность нерасчищенной части памятника. Вдоль всей расчищенной части восточной стены на небольшом расстоянии от нее вне здания навалена

**Усейн Абдурафиевич Боданинский (слева),
Николай Львович Эрнст (по центру),
Павел Иванович Голландский**

целая гора мусора из раскопок около 2,00 метров высотой. Вся территория раскопок ограждена колючей проволокой с калиткой в восточной части, но калитка не запирается. В юго-западном углу линия ограждения расстроена. На остатках стен и сводов свежих разрушения не усмотрено» [18, л. 20-20 об.].

Для фиксации общего состояния памятника было сделано 7 фотографий 13 x 18 см. Перед началом археологических исследований участниками экспедиции были приняты следующие решения: «1. Восстановить разбивку территории на двухметровые участки согласно имеющемуся в распоряжении экспедиции плану. 2. Для работ использовать сохранившиеся у смотрителя древностей Э.Я. Бэра старое оборудование экспедиции 1926 года. 3. Изготовить отсутствующие необходимые предметы, как-то: колки, сита, грохота и пр. 4. Вести раскопку по квадратам с разделением на слои или горизонты с отдельной регистрацией всех находок по квадратам и слоям. 5. Все вертикальные промеры вести инструментально (при помощи нивелира) от условной нулевой горизонтали, намеченной обмерами профессора П.И. Голландского в 1926 году» [18, л. 20-20 об.].

На работу через Профсоюз Рабземлеса было принято 10 человек. В научный коллектив вошли: 1. О.Н.-А. Акчокраклы – историк, эпиграфист. 2. У.А. Боданинский – художник, искусствовед, 3. П.И. Голландский – профессор-архитектор. 4. Н.Л. Эрнст – профессор-археолог. Практиканты: 5. Меметов Абдулла – слушатель техникума кустарной промышленности в г. Бахчисарае, член ВЛКСМ. 6. Маринович Борис. 7. Николай Максютенко – молодые местные краеведы. Рабочий коллектив: 8. Сеид-Ахмед Меметов. 9. Дервиш Велиев. 10. Мусса Хайреддинов. 11. Зейнеддин Шемседдинов – все члены Союза Рабземлес. 12. Фома Красненко. 13. Саади Муратов. 14. Абдуль-Гани Зекерьяев. 15. Усеин Сулейман – член Союза Работпрос. Общим руководителем

*Раскопки медресе.
Остатки пилона главного портала*

экспедиции являлся У.А. Боданинский. Техническим руководителем раскопок был профессор Н.Л. Эрнст. Рабочим коллективом руководил тов. Фома Красненко, принимавший наряду со всеми остальными членами рабочего коллектива участие в раскопках 1925-1926 гг. Архитектурную фиксацию и обмеры вел профессор-архитектор П.И. Голландский.

Сбор памятников, их инвентаризацию, эстампажирование и эпиграфическое изучение вел член экспедиции О.Н.-А. Акчокраклы при помощи Сулеймана Усейна, который на протяжении нескольких лет принимал участие как квалифицированный рабочий в исследовательских работах Бахчисарайского Музея [18, л. 22-22 об.].

Коллективная командировка членов экспедиции была зарегистрирована в Старо-Крымском Местном Совете. К работам приступили имея телеграфное разрешение Начальника Главнауки РСФСР, полученное 5 августа 1918 года на основании сделанной Бахчисарайским музеем заявки [18, л. 20-20 об.].

В отчете о раскопках 1928 года в Старом Крыму У.А. Боданинский в частности, отмечал: «Работы начались 10-го августа и закончились 31-го августа, таким образом, продолжались 22 дня, но сами раскопочные работы закончились 29-го, продолжались, таким образом, 20 дней [18, л. 22-22 об.].

О.Н.-А. Акчокраклы, У.А. Боданинский, Э.Я. Бэр, П.И. Голландский и Н.Л. Эрнст, подытоживая работы, произведенные 10-24 августа 1928 года в Старом Крыму, в специальном акте от 30 августа 1928 года отмечали: «1. Расчищены до каменного плиточного пола двора медресе участки по ряду 13-му генерального плана: М, К, I, H, G, F, и E, а также части соседнего ряда 14-го I, H, G, F и E до стены северо-западного корпуса здания. 2. Расчищено все пространство северной комнаты ниши здания, т. е. участки 14 К, 15 К, 16 К, 14 М, 15 М, 16 М до пола ниши. 3. Расчищены до пола внутренние пространства двух комнат северо-западного корпуса здания на участке 15 H и смежных 15 E и смежных, т. е. первой и третьей от ниши. 4. Расчищен коридор в северо-западном углу здания вплоть до границы рядов В и С. 5. Расчищены участки 2 до 11 по рядам К, L и M, а также участки 5 N и 6 N» [18, л. 21-21 об.].

По границе неисследованной территории между рядами I и K был оставлен срез, обрезанный вертикально, высотой до 1,00 м, также, как в обоих коридорах, северо-западном и юго-восточном. Открытые при раскопках горизонтальные поверхности стен здания было поручено обмазать жирной глиной с примесью соломы для предохранения от порчи смотрителю Э.Я. Бэру. Профилированные камни восточного пилона южной ниши здания на участке 5 N обнаруженные лежащими на сыпучем мусоре. Ему же было вменено в обязанность подпереть дубовы-

Общий вид Южной половины медресе

ми подпорками, а лежащую рядом в мусоре в коридоре капитель колонны вынести и положить рядом с ее базой на участке 6 N.

В течение раскопочных работ все обнаруживаемые детали здания обмерялись и фотографировались. Было сделано 54 фотоснимка раскопок 13 x 18 и 10 x 15 см. и 27 чертежей. Все вертикальные обмеры производились с помощью нивелира. Археологические работы велась послойно-квадратным методом разделения всей наносной почвы здания на 4 горизонта. Все находки и наблюдения регистрировались по слоям и квадратам. Мусор из раскопок вывозился тачками на расстояние 25-30 м от раскапываемого участка. Чертежные, фотографические, дневниковые материалы раскопок и найденные предметы (кроме громоздких лапидарных) были переданы Бахчисарайскому музею [18, л. 21-21 об.].

Кроме продолжения раскопок на территории медресе экспедицией были проделаны следующие работы: «1. Организован сбор архитектурных и скульптурных фрагментов, часто валяющихся во дворах, заборах или употребляемых обывателями как скамейки, подставки, ступеньки и т. д. (собрано 175 номеров по описи). 2. Сбор подъемного материала в виде обломков фаянсовой, глиняной посуды, металлических изделий, монет (одних монет XIV – XVII веков собрано 124 штуки), из коих золотоордынских, чеканенных в Сарае Новом и Азаке (Азов) – 113, генуэзского чекана – 1, польских – I, неизвестных – 1). 3. Осмотрена территория Караван-Сарая, где производились раскопки в 1925 году, и приняты меры для дальнейшей охраны. 4. Обследованы руины какого-то древнего сооружения (по предположению – бань) на усадьбе гр. Штаубер (ул. Зиновьева, 10). 7. Приведено в порядок Старо-Крымское музейное хранилище путем составления научной описи предметов в нем хранящихся, фото- и графической их фиксации и расширения крытой лапидарной площади. 8. Собран старый, приведен в порядок и приобретен добавочный раскопочный инструментарий» [18, л.

Общий вид медресе и мечети Узбека

22-22 об.]. На проведение раскопок было потрачено 979 рублей 70 копеек, отпущенных Кр. НКП по смете 1927/28 года.

Все указанные археологические работы производились в плановом порядке, согласованном с центральными планирующими научными и местными государственными учреждениями и профсоюзными организациями, и вследствие этого имели большое показательное, просветительное значение. Крымское правительство в лице Крымпланбюро и КрымНКП проявили значительный интерес к раскопкам, и последний отпускал на их производство до 1929 года 2.000 рублей из своего бюджета ежегодно. В план археологических работ в текущем 1929/30 г. также были внесены раскопки в Старом Крыму [3, 11].

Археологическая экспедиция 1928 года в Старом Крыму дала интересный эпиграфический материал. Обнаружено 175 отдельных надгробий, стел и фрагментов, из них 65 с надписями на арабском языке, некоторые на старо-тюркском, 15 датированы концом XIII и первой половиной XIV веков [1]. В черте города удалось обнаружить древнее татарское кладбище на Зеленой площади. После топографической съемки и фотофиксации были произведены раскопки, которые на глубине в среднем одного метра дали 18 экземпляров надгробий XIV и начала XV веков.

По характеру надгробные стелы, на которых высечено большинство надписей, делились на два типа: плоские со стрельчатым или килевидным верхом, которые неизменно принадлежали женщинам; круглые, или восьмигранные с фигурным верхом в виде остроконечной шапки разнообразных форм – мужчинам. Эта традиция деления памятников

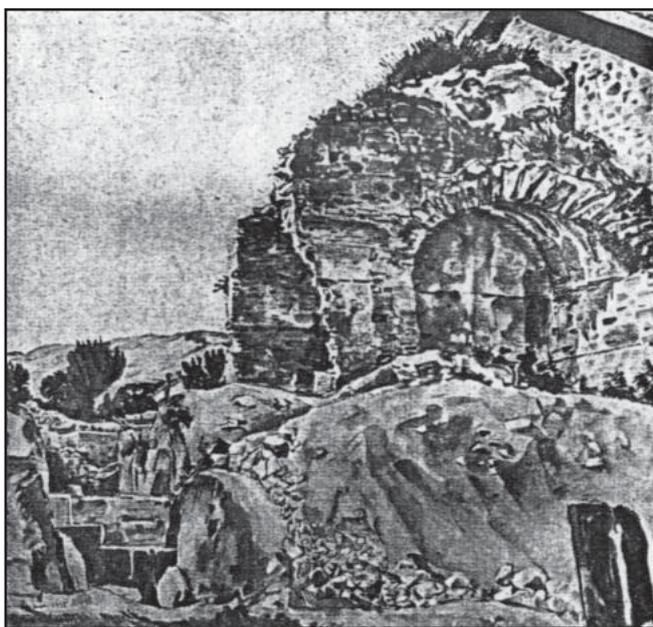

Участники экспедиции по раскопкам медресе у мечети Узбека в Старом Крыму. 1928 год

по полу с приданием им особых архитектурных форм наблюдалась на протяжении всего XIV века на всех золотоордынских надгробных памятниках Старого Крыма [1].

Было обнаружено огромное количество надписей на арабском языке. Среди них как и ранее преобладал стиль письма «сулюс» золотоордынской трактовки. Позднейшие письмена изменили свой характер, стали вытянутыми, сухими, уже не так преобладали над фоном. Небольшое количество надписей сделано на джагатайском наречии. На одном из саркофагов (№ 295 по описи) имелось четверостишие. Его содержание навеяно пессимизмом мусульманской религиозной философии. По формам языка – это любопытный фрагмент тюркского наречия XIV века.

Самая ранняя дата найденных в 1928 году памятников – 690 год хиджры (1291 год хр. э.). Дата принадлежит фрагменту (№ 291), найденному

Раскопки медресе. Этюд К.Ф. Богаевского

в подземном купольном погребальном склепе на участке Арманова в северной части линии городских стен [1, 154]. Все стелы и надгробия с надписями были перевезены в хранилище древностей в Старом Крыму.

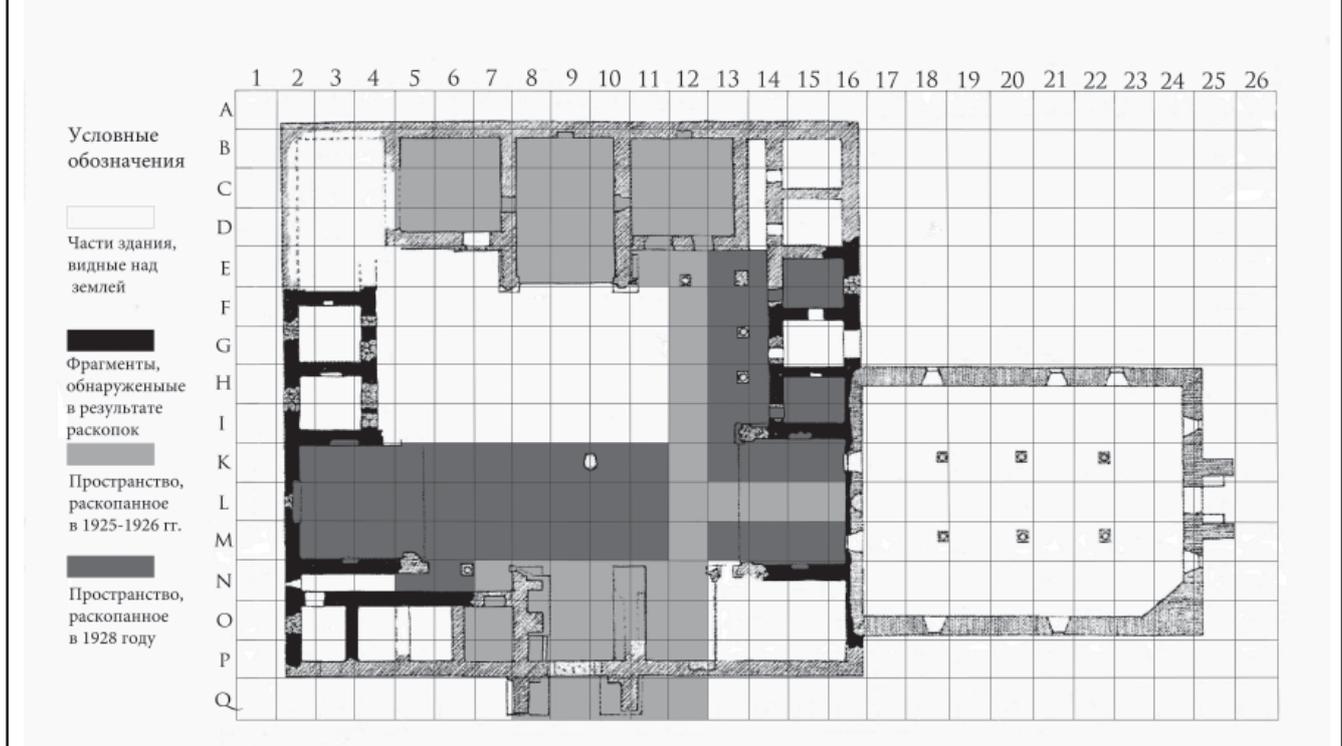
В августе 1929 года У.А. Боданинский предполагал «закончить раскопки всей территории медресе в Старом Крыму, о чем была сделана заявка в Главнауку НКП РСФСР в Крымский НКП и КрымПлан, и вместе с тем «продолжить разведочные работы, обратив особое внимание на урочище Ногайлы-Оба, которое, по всем данным, являлось древней цитаделью города. Продолжить собирание архитектурных и скульптурных фрагментов, обломков фаянсовой, глиняной посуды, монет, расширить крытую площадь музейного хранилища и упорядочить научное описание предметов. В раскопках должен был принять участие научный коллектив в прежнем составе с привлечением к работам директора Феодосийского музея Н.С. Барсамова, одного стажера и одного практиканта из вузовцев» [18, л. 23].

В феврале 1929 года Усеин Абдуредиевич обратился в Главнауку Наркомпроса РСФСР с письмом, где изложил план археологических исследований Дворца и музея татарской культуры на сезон 1929 года [14, 59]. По решению К.Э. Гриневича, работавшего тогда ученым специалистом в Главнауке, письмо У.А. Боданинского было переслано в Государственную Академию истории материальной культуры для заключения о целесообразности данных работ, причем само заключение ГАИМК и эти документы должны были возвратиться в Москву [15, л. 166]. Однако их не выслали в Главнауку, и в настоящее время они хранятся в архивном фонде ГАИМК в Санкт-Петербурге.

От У.А. Боданинского затребовали подробный отчет о работах и потраченных средствах в сезон 1928 года. 5 марта 1929 года бахчисарайский краевед писал в Главнауку Наркомпроса РСФСР, что высылает отчет по раскопкам 1928 года в Старом Крыму [15, 167]. В качестве приложений У.А. Боданинский предоставил описание раскопок медресе, акты об осмотре состояния древностей от 10 и 30 августа 1928 года, отчет по организационно-финансовой части экспедиции, объяснительную записку и описание эпиграфического материала, чертежи (планы, фасады, разрезы) на 10 листах, фотографии 13 x 18 – 27 штук, 9 x 12 – 19 штук [18, л. 12].

На основании этих материалов У.А. Боданинский получил открытый лист на проведение раскопок в 1929 году. Присланные по результатам работ в качестве отчета в Государственную Академию истории материальной культуры отпечатки из третьего тома «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии» [4] и дневник раскопок вызвали замечания специалистов. Из

План раскопок медресе в Старом Крыму в 1925-1928 годах
(составлен на основе чертежа У. А. Боданинского)
Масштаб 1:200 или в 1 см. 2 м.

Государственной Академии в сектор науки Народного комиссариата по просвещению было отправлено заключение по вопросу о выдаче открытого листа тов. Боданинскому, в котором было указано на просчеты руководителя экспедиции: «1. Раскопки производились, как указывается в представленной работе, послойно-квадратным способом. Однако представленные материалы свидетельствуют, что при работах квадратами не было соблюдено основное требование, предъявляемое к этому методу – единство системы. При раскопках мечети мы имеем четыре самостоятельные системы квадратов, связанных между собой стенами самого здания. Данные, часть «квадратов» – либо прямоугольники, либо фигуры сложного контура. 2. Несмотря на разбивку территории на квадраты, раскопки вдоль восточной стены внутри здания производились первоначально траншеей шириной в полквадрата (1 метр). С западной стороны мечети квадраты не были докопаны полностью и обрез раскопа не имеет правильной формы. Способ закрепления на месте разбивки не указан. 3. В представленном дневнике приведены детали раскопанных сооружений, но нет схем квадратов с указанием расположения сооружений и предметов в них, а также неясен и способ фиксации их в пределах квадрата. Ни в печатном отчете, ни в дневнике нет разрезов, и поэтому неизвестны простирающие и толщина слоев, что исключает четкое разграничение слоев и принадлежащих им сооружений и предметов.

Кроме того, приводимые цифровой и описательный материалы не дают ясного представления о методе фиксации слоев. 4. Необходимо также отметить крупный дефект в определении территории, подлежащей вскрытию. Мечеть имела внутри две пары колонн (столбов), поддерживающих перекрытие. Полученный экспедицией материал дает основание полагать, что колонны имели мраморные капители, ранее принадлежавшие христианской постройке (в орнаменте «византийский» крест), и использованы при сооружении мечети, причем кресты были стесаны. Даже, как подчеркивается в печатном отчете, мечеть имеет необычное расположение входа в западной стене. Все эти обстоятельства должны были привести к особо тщательному обследованию восточной стороны постройки, чего сделано не было» [19, л. 69-69 об.].

В итоге ввиду изложенного «Академия считала возможным выдачу У.А. Боданинскому открытого листа на продолжение работ в текущем году лишь при условии учета сделанных в заключении Академией замечаний» [19, л. 69-69 об.].

Изменение общественно-политической обстановки в стране, закрытие научных краеведческих организаций, краеведческих журналов, начало репрессий по отношению к передовому отряду подвижников краеведения не могли не отразиться и на деятельности крымских научных учреждений [15, 169]. Упадок и сведение к нулю исследовательской работы Государственного

дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае фиксирует отчет о работе музея за 1930 год, где нет упоминания об этнографических исследованиях вообще, а основное внимание сосредоточено на незначительных раскопках.

Ссылки

- 1 Акчокраклы О.Н. Старо-Крымские надписи: По раскопкам 1928 года // ИТОИАиЭ. – 1929. – Т. 3. – С. 152-159.
2. Антонюк А.А. Павел Иванович Голландский: штрихи к историческому портрету // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 18.
3. Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. – Симферополь, 1930. – Вып. 2. – 31 с.
4. Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Акчокраклы О. Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928–29 гг. // ИТОИАиЭ. – 1929. – Т. 3. – С. 170-187.
5. Бороздин И.Н. Археологические раскопки в Крыму // Красный Крым. – 1926. – 1 сент.
6. Бороздин И.Н. В древней столице крымских татар // Красная Татария. – Казань, 1925. – 27 авг.;
7. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму // Педагогическая жизнь Крыма. – 1925. – № 9/10. – С 17-20.
8. Бороздин И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года. – М., 1927. – 21 с.
9. Бороздин И.Н. Солхат / Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. – М., 1926. – 32 с.
10. Грабарь И.Э. Восемь лет реставрационной работы // Вопросы реставрации: Сб. ЦГРМ / Под ред. И.Э. Грабаря. – М., 1926.
11. Засыпкин Б. Н. Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. – Москва, 1927 – № 18. – С. 277-278.
12. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар Крым // Крым. – 1927. – № 2. – С. 113-168.
13. Засыпкин Б.Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – 1926. – № 3. – 7 сент.
14. Мусаева У.К. Боданинский – организатор работы по изучению и охране памятников истории и культуры крымских татар // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 20;
15. Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усейна Боданинского / Под ред. А.А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2007. – 240 с.– (Биобиблиография крымоведения; Вып. 9).
16. Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921-1941: Историографические очерки / Под ред. А.А. Непомнящего. – Симферополь, 2004. – (Библиография крымоведения; Вып. 2).
17. Хливнюк А. В.
18. ИИМК РАН РА, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 164.
19. ИИМК РАН РА, ф. 2, оп. 1 (1930 г.), д. 150.

Ломакін Д.А. Бахчисарайський палац-музей тюрко-татарської культури і дослідження мусульманських пам'яток XIII-XV століть у Старому Криму (друга половина 20-х років XX століття)

У статті проаналізована роль Бахчисарайського музею тюрко-татарської культури у дослідженні мусульманських пам'яток історії та архітектури XIII-XV століть у Старому Криму. Розглянуто організацію експедиції 1928 року під керівництвом У.А. Боданінського. Висвітлені основні етапи наукових робіт на території давнього Солхату та, частково, за його межами. Також у статті підбиті підсумки дослідницьких

робіт, здійснена спроба аналізу цих робіт для відновлення історії Кримського улусу Золотої Орди.

Lomakin D.A. Bakhchisarai palace-museum of moslem culture and studing complex of moslem monuments of XIII – XV centuries in the Old Crimea (second half of the 20th of XX century)

The present article is devoted to the analyses of the role of the Bakhchisarai palace-museum of moslem culture of the Oriental studies in studying a number of historical and cultural monuments of the XIII – XVth centuries in Stary Krym. The organization of the expedition of 1928 with U. A. Bodaninskiy at the head is examined, detailed archaeological excavations on the territory of ancient Solkhat and partially beyond its limits are described. The results of expeditions are also given in the article, the attempt of the analysis of the importance of these excavations for the reconstructions of the history of the Crimean Ulus of the Golden Horde is undertaken.

К.И. Нагорняк

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНИЯ В РОССИИ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

В работе рассматривается история создания, цели и формы работы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Проанализирован труд виднейших деятелей этой организации по защите историко-культурного наследия Российской империи.

В начале XX века в Российской империи существовали две проблемы, касающиеся историко-культурного наследия. Первая крылась в несовершенстве законодательной системы государства. Согласно законодательству Российской империи, забота об исторических памятниках входила в компетенцию Министерства внутренних дел, а также учрежденной в 1859 г. императорской Археологической комиссии. Контроль над реставрацией памятников архитектуры осуществляла Академия художеств. Святейший Синод курировал культовые сооружения. Юрисдикции подлежали лишь те памятники, которые находились на государственных, городских и общинных землях. Все остальные, каким-либо образом не попавшие в ареал защиты государства, были брошены на произвол судьбы и медленно разрушались, поддавшись неумолимой силе времени [1, 121].

В 1910 году особая комиссия МВД разработала «Положение об охране древностей». Согласно документу, юрисдикции «подлежат все древности, признанные требующими охраны независимо того, какому ведомству, установлению или учреждению принадлежит ближайшее ими заведование или управление» [2]. «Положение» поступило в Государственную думу, но так и не было «воплощено в жизнь» [1, 121].